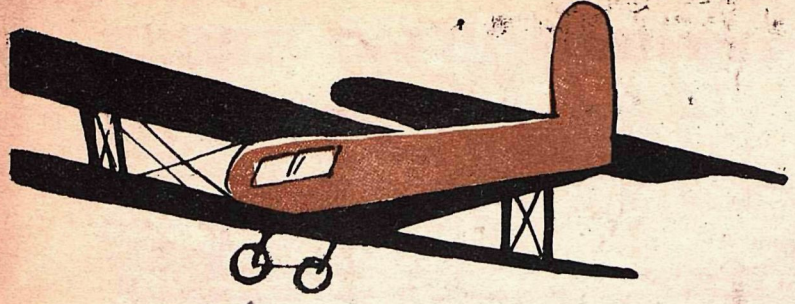

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 40 КОП.

№ 8 МОСКВА 1934
МАРТ
ИЗ-ВО ЦК ВКП(б), ПРАВДА

КРО КОДИЛ

к 556
13

НА БЕРЛИНСКОМ АЭРОДРОМЕ

Рис. Л. Бродаты

ОБВИНИТЕЛИ УЛЕТЕЛИ, ОБВИНЯЕМЫЕ ОСТАЛИСЬ

(Ю. Ганф)

— Не плохо бы пробежать резолюцию перед собранием...
— Нет, я уж лучше ее проеду.

(В. Апросин)

НЕУВЯЗКА

ОБ ИЗМЕНЕ, ТУРБИНЕ И КУЛЬТУРЕ

(Лирическая повесть)

Я встретил его на Варварке.
Вид у тов. Крюкова был необычный. Кепка повернута козырьком к правому уху, кашня свисает из бокового кармана пальто; а пальто застегнуто так, что две петли—верхняя и нижняя—пришлись на одну пуговицу. Вследствие этого—одна пола пальто длиннее другой этак на полметра.

И по лицу тов. Крюкова мелкой рябью пробегает нето удивление, нето озабоченность, нето растерянность.

— В чем дело, тов. Крюков, что случилось?
— Что? Уж и не знаю, право, как вам это выразить?— скороговоркой отвечает он.— Вот у Козьмы Пруткова прекрасно об этом сказано: „Где начало того конца, которым кончается начало“. О—неувязке...

— Да в чем дело? О какой неувязке? Где?
— В кооперативе. В нашем кооперативе.

Лавка № 22. Ну вот, понимаете— „бытие определяет сознание“, как у кого-то прекрасно сказано. Ну вот. Уж я, так сказать, приноровился. Приспособился. „Приспособление видов“, как это прекрасно сказано у Дарвина, кажется.

...Ну вот, уже наперед я знаю, если в нашем кооперативе нет продуктов, то все продавцы—шелковые:

— Ничего-с не привезли, ваше здоровьице!
— Вам табачку, гражданин? Эх, если бы был, разве ж бы мы не отпустили? Да с удовольствием!

— Винегретику желаете, мамаша? С пикулями? Понимаем. Вчера как раз был, а сегодня, извините, нету... Может, тесьмы вместо винегретику прикажете? На подвязочки? Розовый цвет. Гофрэ?

— А вам что, мадам? Мыла? Какого вам мыла, мадам, простого для стирки, или наоборот—туалетного? Ах, туалетного? Извините, мадам, мыла нет никакого!

Одним словом, я уж, как дважды два, по одному этому штриху знаю, что на полках пусто: в этот день за прилавком такие все шелковые, что хоть самих на полку клади и продавай заместо шелковых изделий.

Совсем другое дело, когда в наш кооп заезут товар и на полках—переполнение.

Тогда я уж тоже наперед знаю, наши продавцы—звери. Так оскаленными клыками и клещами:

— У меня не двадцать рук, гражданин. Что? Не нравится—и не надо. Не нравится, можете отправиться!

— Эй ты, мамашка, чего руки тычешь? Ты бы еще рот подставила. Прямо б тебе в рот винегрету и положил!

— Тебе еще чего, бабуля? С какого погоста занесло?

— А ты? А тебе? А вам? Р-р-р...

Уж я приноровился.

Знаю. Если лаются, стало быть—товар на полке.

А если продавцы—шелковые, если еще в дверях услышу, что разливаются они, как гавайская гитара, можно и не заходить. Нет ничего. Не завезли.

— Так! Неувязка-то в чем же?

— А в том же, в обращении. Услышал я бархатные голоса, и в лавку уж не захожу: значит товаров не прислали, если продавцы любезничают.

А потом уж, представьте, оказалось,—и товар есть. Товар есть, а они... шелковые. Но как же ж так, в чем тут дело-то? Товар? Вот он, товар—на полках, и в боченках, и в ящиках.

Продавцы? Вот они—за прилавочком. Шелковые, бархатные, обходительные. Что такое? Почему?!

И вновь растерянность рябью пробегает по его лицу.

— Но что же бы это могло быть? В чем дело? Может, заведующий не доглядел?—бормочет озадаченный тов. Крюков.

Л. МИТНИЦКИЙ

От инженера ушла жена,
Взяв чемодан и пальто подмышку...
Жизнь была так налажена,—
И вдруг—тр-рах!—и крышка.
Один ложишься, один встаешь.
Тихо, просторно... и горько!
Никто не бросит чулок на чертеж,
Никто не окликнет:—Борька!
Не с кем за чаем в уголке
Поссориться и помириться.
Никто не погладит по щеке
И не заставит побриться...
От инженера ушел покой
И радость с покоем вместе.
— Подумать только, что тот, другой—
Просто пошляк и блатмейстер!
Остротки, сплетни, грубая лесь...
Конфеты... и прочие штучки...
И вот ухитрился в сердце влезть,
Взял—и увел подручку!
И ведь пошла, пошла за ним!
Ну, что ей в нем интересно!
А я так верил, что любим...
А почему?.. Неизвестно!
Инженер растерян и поражен
И ревностью злой терзаем:
— Мы на поверку наших жен
Порой совсем не знаем!
Пустил турбину, сдал чертеж,
Удачно модель исправил,—
Приходишь домой и жадно ждешь,
Чтоб кто-то тебя поздравил.
Ведь это не только твой успех,
Рожденный в бессонные ночи,—
Работа была нужна для всех,
И ты ее с честью окончил.
И вдруг—скуучающий голосок:
„А деньги скоро заплатят?
Я тут нашла чудесный кусок
Фая на летнее платье...
Что ж ты молчишь? Я иду в кино!
Какой ты нескладный, право.
Молчит и дуется, как бревно,—
И под ногтями траур!..“
Ладно! К чорту! Ушла и ушла!
Пожалуй, это и лучше!
По горло дел!!!

...Но стоят дела.

А мысли идут и мучат.

— А может, я сам во всем виноват?

Ушел в работу по горло,

Забыл жену и... вот результат!

Турбина всю радость стерла!

Конечно, ей скучно было со мной,

Усталым после завода...

Если б я больше был с женой,—

Я бы ее не отдал!

Она—красива. Она—молода.

И как там не вертись ты,—

Надо в кино ходить иногда,

И ногти должны быть чисты!..

Теперь ушла! Теперь не вернешь!
Пойди, догони, попробуй!..
Лежит на столе любимый чертеж,
Но руки дрожат от злобы.
И вот инженер, хохол теребя,
Завыл, подушку кусая.
Это не просто, если тебя
Подруга твоя бросает.
Это не просто, когда ты горд,
Самолюбив и страстен.
Но труд любимый—лучший курорт,
И время—великий мастер...
Два дня инженер работать не мог,
Метался, точно Отелло.
Злость брала на себя, на него,—
И всех угробить хотелось.
Два дня он не спал, не ел и курил,
На третий—взял газету,
Прочел, густейший чай заварил...
И кончил чертеж к рассвету.
Почистил ногти, побрился. И вот
Желтый, как малярия,
Он потащился к себе на завод,
Склоняя имя: Мария...
Гудят заводы по всей стране,
И гул их весел и дружен,
Им невдомек, что чьей-то жене
Вздумалось бросить мужа.
Гул их весел и напряжен,—
Им торопиться надо:
Они для всех мужей и жен
Готовят уют и радость.
И тысячи нежных женских лиц
Вместе с мужскими рядом
В сложный танец машин впились
Острым, хозяйским взглядом...
— Что с вами?—все инженеру твердят,
И в голосе—строгая ласка.
Молчит инженер. Потупил взгляд,
И в щеки бросилась краска.
— Вы нездоровы? Вы больны?
Зачем вы пришли, скажите?
Правда, вы тут до зарезу нужны,
Но... лучше уж полежите!
Смущен инженер. Он понял вдруг,
Что горе его—ничтожно,
И в жизни много хороших подруг
Найти и встретить можно...
Таких подруг, что скажут:—Борись!
И вместе бороться будут,
Оценят то, что сделал Борис,
И Борьку любить не забудут.
Таких подруг, что любят духи
И жаркий запах работы,
Знают и формулы и стихи
И веселы без фокстротта.
Конечно, надо щетину брить
И за культуру биться,—
Но чтобы для всех культуру добыть,
Можно порой и не бриться.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ДАВИД И ГОЛИАФ

Пионер Митя Сыркин, возвращаясь поздно вечером домой глухим, пустынным переулком, увидел, как у дверей кооперативного магазина тихо возится над замком темная человеческая фигура. Из покосившейся будки ночного сторожа доносился могучий храп. Храбрый и умный Митя, предусмотрительно отойдя в тень, закричал что есть мочи. Вздрогнув и уронив отмычку, нервный вор бросился наутек. Митя Сыркин растолкал продолжавшего храпеть сторожа, оказавшегося ко всему прочему глухим, и с этой минуты стал героем.

Утром Митю разыскал очеркист местной газеты Рудольф Волжанин. Это был молодой, решительный человек, одетый по всем правилам периферийного шика: лохматая рубашка в свирепую, желтую с черным каторжную клетку и грубошерстные колоколами штаны — гольф.

Поговорив с Митей Сыркиным о событиях минувшей ночи шестнадцать минут, Рудольф Волжанин многозначительно сказал: „Материальчик — на-большой!“ и удалился. На следующий день Митя прочитал очерк под названием „Давид и Голиаф“. Знаменитый очеркист любил неожиданные и остроумные сравнения и образы.

„Сияла ночь восторгом сладострастья? — спросят нас мешане. — Нет, — скажем мы, — она, как всегда, сияла величием эпохи непосредственного строительства социализма. Пионер Митя Сыркин, лучший ударник учебы, шел домой после ударной коллективной проработки задания по физике и думал о большевистской реализации последних указаний партии и правительства о перестройке высшей и средней школы, каковая (перестройка) в нашем городе проходит недопустимо медленными темпами. Вдруг Митя Сыркин, ударник учебы, увидел вора, ломавшего замок кооперативного магазина. Вся кровь закипела в жилах ударника учебы Мити Сыркина. Негодование при виде презренного расхитителя священной неприкосновенной общественной собственности придало ему гигантские силы. Зарывав, словно лев, героический малютка бросился на преступника. Презренный расхититель общественной собственности обратился в позорное бегство“.

Заканчивалось произведение Рудольфа Волжанина следующим патетическим призывом:

„Товарищи писатели нашего города, не ищите тем для своих романов, повестей и рассказов где-то в бывшем поднебесьи. Вот вам живая человеческая тема, напишите-ка о советском Давиде, поражающем Голиафа классово-ненависти к социалистическому строительству со стороны враждебных элементов, которые еще далеко не добиты. Привет героическому малютке нашего города, ударнику учебы — Мите Сыркину“.

Мите Сыркину очерк понравился, хотя он и нашел в нем некоторые неточности. Так, например, Митя хорошо знал, что, возвращаясь домой, он думал скорее про пирог с рисом, оставленный ему матерью на ужин, чем про перестройку высшей и низшей школы. Кто такие Давид и Голиаф он тоже не знал, но имена ему понравились, в особенности Голиаф. Ему даже захотелось, чтобы вора звали Давидом, а его — Митю Сыркина — Голиафом, но дома сказали, что так нельзя, и Митя смирился с Давидом.

Зычная слава поселилась в одной комнате с Митей Сыркиным. Прочитав очерк Рудольфа, заведующий местным радиоузлом расстроился и немедленно созвал производственное совещание сотрудников.

— Вы всегда отстае, соколы мои, — журил он бравых дикторш и гибких, как хлысты, сценаристов, — опять Рудольф Волжанин вставил нам перо.

Соколы взвились орлами, и через два дня Митя Сыркин уже стоял перед микрофоном и, глядя в тетрадь сценария, рычал и хрипел, изображая титаническую сцену ночной битвы с вором.

Местные писатели тоже вняли призыву Рудольфа Волжанина и, вызвав друг друга на соревнование, засели за книги о подвиге Мити Сыркина. Победителем состязания оказался Лев Поминкин, написавший за три дня, работая круглосуточно в смену с женой, роман в пятнадцать печатных листов. В романе была рассказана биография Мити Сыркина (1/8 листа), а четырнадцать и 7/8 листа занимали лирические отступления, описания природы и сцены из жизни кооперированных сапожников. Последние попали в роман о советском Давиде, поражающем Голиафа, по очень простой причине: как раз неделю назад Лев Поминкин сдал в Союз промысловой кооперации законченную последним повестью про кожевенную

артель на десять печатных листов. Чтобы связать Митю Сыркина с кожевниками, Лев Поминкин с супругой гениально просто сделали сапожником Митинова отца. В романе Митя Сыркин ловил не только воров, но и произносил страстные монологи о пользе поголовного кооперирования холодных сапожников и брака с браком в обувных артелях.

В школу Мите Сыркину ходить стало некогда. Если он не рычал перед микрофоном, не беседовал с писателями или не снимался для бульвара ударника, то обязательно выступал на докладе на каком-нибудь слете или собрании.

— А сейчас слово предоставляется нашему героическому малютке, — говорил председатель.

Митя Сыркин выходил на сцену, поднимал руку и, зажмурив глаза, произносил речь, написанную для него Рудольфом Волжаниным. Ему аплодировали, и счастливый Митя возвращался на свое место в президиум.

Как-то, по совету родственников, на одном таком собрании он потребовал от заведующего райснабом прикрепления к закрытому распределителю ответственных работников.

Прикрепленный к ответственному распределителю, Митя Сыркин окончательно зазнался, плюнул на школу и стал вести рассеянный образ жизни. Никто не мешал герою развлекаться.

В скором времени из областного центра в школу, где учился Митя, пришло послание, извещавшее о созыве слета лучших ударников учебы.

— От вашей школы обязательно пришлите Митю Сыркина, — настаивал областной центр.

Бросились искать Митю Сыркина и нашли на базаре.

Героический малютка толкался среди базарного люда. В зубах у него дымилась папироса. В руках Митя держал головку сыра, полученную накануне в ответственном распределителе. Звонким голосом героический малютка кричал:

— А ну, навались, у кого гроши завелись Кому сыру, хорошего сыру?! Сегодня в долг завтра без денег, после завтра сами едим. А ну, навались!

Так погиб героический малютка Митя Сыркин.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ДОСТИЖЕНИЕ

ДС прорезал станционный гул:

— Я доску опозданий ликвиднул!

И впрямь, у одного из зданий

Висела здесь доска неопозданий!

ВЕГРА

МИМОХОДОМ

ИСТОЧНИК НАКОПЛЕНИЯ

Главный начальник лондонской пожарной охраны Майлс

оказался агентом крупной организации поджигателей.

Цифры своего дохода Майлс, повидимому, составлял с потолка. Сгоревшего, конечно.

ИЗВОЛЯТ ВЫРАЖАТЬСЯ

Ватиканом помещена в список запрещенных изданий

книга Адольфа Розенберга „Миф двадцатого столетия“ за грубую ругань по адресу католиков.

Повидимому, когда Адольфу Розенбергу записывают новую полемическую книгу, ему говорят коротко и просто:

— Извозчик, подавай!

АВГУСТ С КРУЖКОЙ

Сын Вильгельма II Август ходит для сбора пожертвований в пользу фашистов

по улицам с кружкой. После сбора пожертвований Август „отдыхает“ в шикарных ресторанах.

Хорошо по этому поводу у Пушкина сказано:

„Выпьем, няня, где же кружка, сердцу будет веселей!“

НЕСЧАСТЬЕ В ПАРЛАМЕНТЕ

Парламент Фрибургского кантона в Швейцарии решил ввести в свой состав представителей фашистских организаций.

В истории парламентаризма такие случаи уже были. Калигулла тоже вводил лошадь в римский сенат. К счастью, лошадь не диктовала римлянам своих условий, а фашисты от этого вряд ли откажутся.

С РАЗНЫХ ПОЗИЦИЙ

Рис. К. Елисеева

ПЕКАРЬ: — Ну и ножи, — даже хлебом ими не разрежешь.

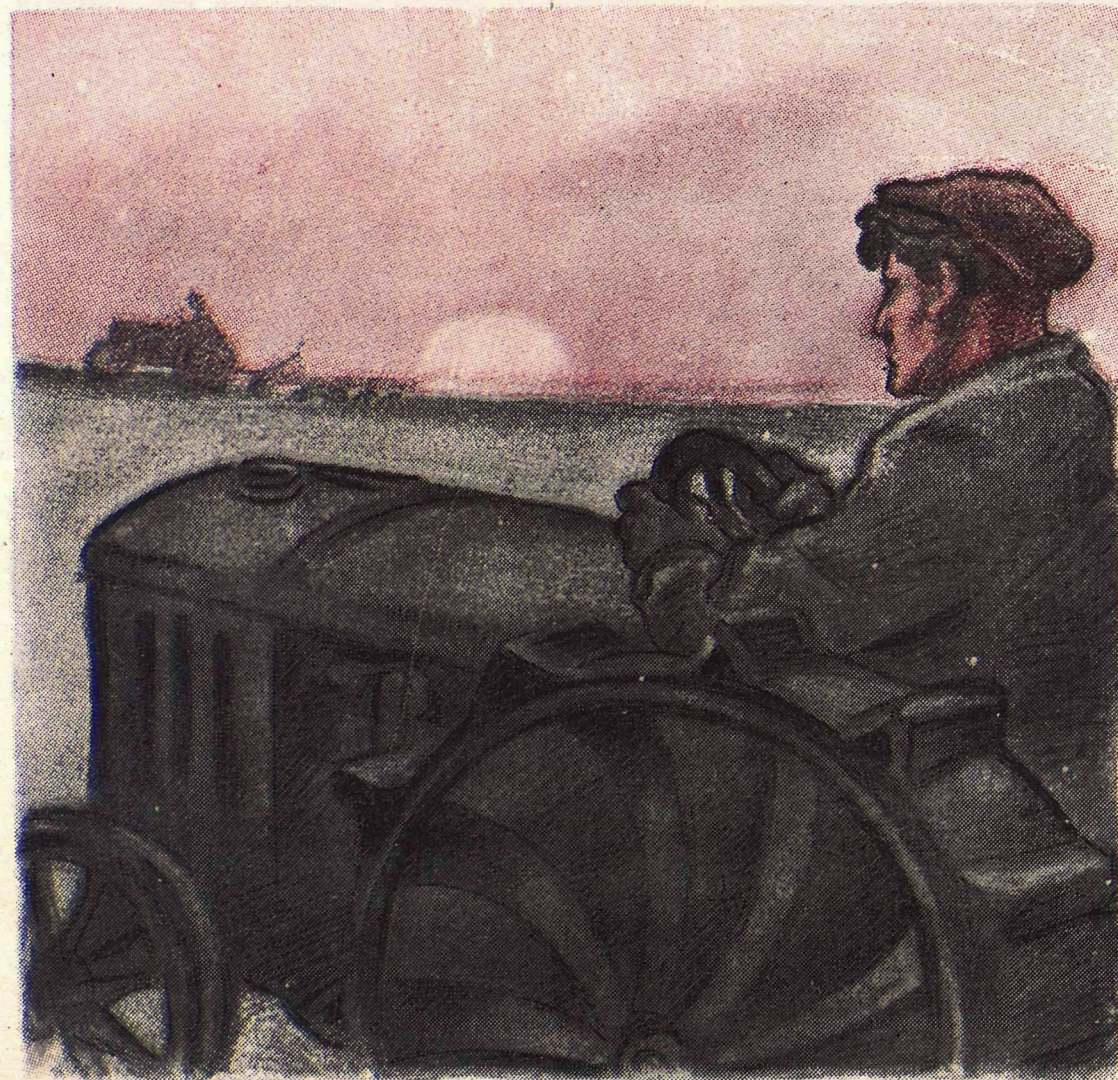
МЕТАЛЛИСТ: — Ну и хлеб, даже ножом его не возьмешь.

(Е. И.)

Рис. К. Елисеева

Англичанин-мудрец, коль работать невмочь, обращается к старой дубине

4 А колхозник, чтоб сразу работе помочь, на поля выезжает с машиной...

(Е. Пани)

Автобус остановился на углу, несколько человек бросилось к нему и повисло было на его качающейся подножке, но кондукторша высунулась в дверь и, махнув рукой, сказала: — Хватит!..

Автобус рывком, неожиданно тронулся, и с подножки посыпались на мостовую два парня в меховых куртках и дама в шляпке, с покупками. Дама при этом никак не могла сразу отцепиться от подножки и некоторое время скакала за автобусом на одной ноге. Наконец отцепилась.

— Что за безобразие! — кричала она, подбирая точно от взрыва разлетевшиеся по мостовой покупки, — автобус пустой, а она не пускает!

Один из парней — здоровенный, с сутулыми медвежьими плечами, помогавший ей подбирать, — сказал:

— А обращение какое, — кроме ругани от них ничего не услышишь. Крикнет, как на скотов, и пошел дальше.

— Они все такие, — сказал другой, худощавый, — да вот еще продавцы в „Коммунарах“. Вежливость у нас — самое узкое место.

— И отчего такое, сейчас по всем линиям, можно сказать, впереди всего света идем, а насчет вежливости и культурного обращения никак не выходит. А вот иностранцы у нас на заводе работают, так те словно другие люди: ни на кого не орут, не толкаются, а толкнет — извинится. А ведь у нас, если в тесноте кто проходит, он, как медведь, лезет, все бока протолкает, ногу тебе отдавит да тебя же еще и облает.

— Пойдем пешком, тут недалеко, — сказал худощавый, когда мимо проехал еще один автобус, и кондукторша только постучала в стекло закрытой двери в знак того, чтобы не лезли, так как мест нет.

Парни пошли пешком, потом поднялись на горку и остановились у гастрономического магазина с зеленой вывеской и тонкой наклонной прописью выведенными буквами.

— Вот тут совсем другое дело, чем в „Коммунарах“, продавцы вежливые, внимательные. Прямо покупать приятно.

Они хотели войти по ступенькам в магазин, но навстречу им сплошной толпой выходил народ с покупками.

— Что это народу так много?

— Под выходной день. Подожди, дай пройдут навстречу. Парни остановились в сторонке у двери. Здоровый стоял впереди, худощавый сзади.

Какого-то старика, с выеденным молью воротником и в порыжевшей остроконечной шапке, так закрутило толпой, что он только перевертывался и моргал, выставляя вверх свои покупки, чтобы их не раздавили.

Старик толкнулся о стоявшего парня и со злобой крикнул:

— Что вы на дороге-то стали!

— Виноват, — сказал передний парень, — вам же дорогу даем, — проходите, пожалуйста.

И когда старик боком, как уносимая течением шепка, проплыл мимо них в потоке толпы, он прибавил:

— Ведь вот люди: видит, что мы вежливо уступаем дорогу, а кричит Тоже интеллигентный человек да еще старик! Его обложить бы как следует надо, а не извиняться. Прямо досада берет!

Сзади парней уже набрался народ.

— Что же вы там стали! — кричали оттуда нетерпеливые голоса, — проходите вперед.

Дама, в вышитой матерчатой шапочке, в шубке с меховым пушистым воротником и с чемоданчиком для покупок, нетерпеливо поглядывавшая поверх голов, раздраженно сказала:

— Да проходите же, наконец!

— Гражданка, куда проходите, вы видите, навстречу идут!

— Значит, до вечера будете так стоять?

— Не до вечера, а как пройдут, так пойдем.

— Тогда пустите других, — закричала в испуге дама и уже в с'ехавшей набок шляпке заработала локтями.

— Гражданка, вы не толкайтесь! Ну, куда вы прете?!

— А вы не стойте на дороге.

— Будем стоять до тех пор, пока не пройдут встречные.

— Что за безобразие, чего они там хулиганят! — кричали сзади. — Напирайте на них! Мы их сейчас сшибем!

(Продолжение на 5-й странице)

И Г Р А П Р И Р О Д Ы

— Странно... Березовый лес, а столько шишек!

Рис. Н. Радлова

— Ох, нашлись одни такие-то — сшибли! — сказал передний.

— Гражданка, я вам серьезно говорю, если будете толкаться, то я вас так толкну, что вы из своей шляпки совсем выскочите.

— Я не толкаюсь, на меня напирают, а вы не хулиганьте. Проходите, или я сейчас...

— Что это вы „сейчас“? — спросил, с трудом повернув в тесной толпе свои медвежьи плечи, парень.

— Ничего... Я требую, чтобы проходили вперед, вот и все!

— А вы из графинь будете, что требуете? Она требует! Цаца какая нашлась! Я те так потребую, что костей не соберешь! Вот встану и не пойду. „Требуй“, ежели силы хватит!

Встречный поток из магазина почти прекратился, но парни, загородив собой проход, стояли на месте.

— Это возмутительно!

— Пошлите за милиционером! — кричала, беснуясь, сзади публика.

— Чего там — за милиционером, сами управимся. Напирай, сейчас ссодим!

Все сгрудились и с покрасневшими лицами навалились на передних, как сцепщики вагонов на железной дороге наваливаются плечами на отцепленный вагон, перекатывая его своими силами на другое место. Даму в шубке так притиснули к парням, что она уже едва пищала. Передний парень, напружив плечи и упершись ногами в ступеньки, не подавался ни на вершок перед пыхтевшей толпой.

Наконец подоспевшие сзади наперли, и толпа, точно на блюде, на своих плечах внесла парней в магазин.

— Ну, что за безобразие! — говорили возмущенные покупатели. — Везде какое-то намеренное хулиганство.

— Я даже вся дрожу, — сказала дама, при

помощи которой выпирали парней. — Посмотрите, во что превратили шляпку!

А парни, купив колбасы, пошли из магазина и, оглянувшись на говоривших, сказали:

— Мы же еще и хулиганями оказались!

— Жалко, Мишки с собой не захватили, мы б им все кишки выпустили, а пиголицу эту в шляпке, — макарону бы из нее сделали!

П. РОМАНОВ

ПО ПРИВЫЧКЕ

— Смотрю, ни ботинок нет, ни калош, ни чемоданов...

— Уж это, как водится. А склады, небось, завалены!

— Позвольте... При чем тут склады?..

— Известно, товаропроводящая сеть гадит...

— При чем тут сеть?.. Я рассказываю, как меня в дороге обокрали!

Москва

НА САМАРО-ЗЛАТОУСТОВСКОЙ

Нечего греха таить. Когда бригада сатириков, в составе Романа, Бен-Гали и художника Топикова выехала на Самаро-Златоустовскую дорогу, все мы порядком потрухивали. Знакомство наше с транспортом носило, так сказать, шапочный характер. Поэтому в вагоне одни спешно штудировали книгу о паровозе, другие зубрили комплекты „Гудка“, третьи потихоньку выскакивали на станциях и спрашивали у смазчиков:

— А что, товарищи, где у вас тут сидит старший инжектор и чем он, собственно, занимается?

Или несколько нерешительно осведомлялись у машиниста:

— Какая часть паровоза называется диспетчером?

Однако на месте в Уфе у нас нашлись сотни прекрасных учителей транспортного дела. С одной стороны, ударников, с другой, — махровых бюрократов и железнодорожных ископаемых.

УФИМСКИЙ „КАННИТФЕРШТАН“

В Уфе мы столкнулись со странным явлением: куда мы ни тькались, какие бы порядки ни находили, следовал ответ: „Гапанович“.

— Почему на угольном складе паровоз экипируется вместо полутора часов 5–6 часов?

На складе пожимали плечами и односложно отвечали: — Гапанович.

— Почему поезда ходят без света и пассажиры наступают в темноте друг другу на голову?

— Гапанович, — отвечали кондуктора и старшие поездам.

— Почему машинистам не выдаются валенки и спецодежда?

— Гапанович.

— Знаете что, — однажды догадался художник Топиков, — Гапанович — это то же самое,

что Каннитферштан. Помните рассказ Жуковского, как в Голландию приехал человек, не знающий голландского языка, и ему на все вопросы отвечали одно и то же: „Каннитферштан“, что означает по-голландски „Не понимаю“. Так вот я думаю, что Гапанович по-башкирски то же самое, что Каннитферштан по-голландски.

— Чепуха, — хором ответили фельетонисты, — вот мы его тебе покажем сегодня, твоего „Каннитферштана“.

И, действительно, вечером в вагоне появился человек вовсе не голландского, а наоборот, самого обыкновенного бюрократического вида. Принадлежа, очевидно, к сорту патентованных болтунов, Гапанович на все вопросы отвечал подробно, без запинок и даже с некоторым энтузиазмом.

— Почему у вас нет угля на складе?

— Эстакада не работает. — А почему она не работает?

— Да ведь угля все равно нет, чего ей работать.

— Гм, хорошо. А свечей в поездах почему нет?

— Самара виновата.

— А где валенки?

— Оренбург виноват.

— Почему нет спецодежды?

— Москва виновата.

— Почему паровоз стоит две недели без частей?

— Ульяновск виноват. Крейцкопфный вкладыш сняли.

— А вы сами ни в чем не виноваты?

— При чем же тут я, я же всем вам объяснил.

Гапанович сидел, как монумент, и „на челе его высоким не отражалось ничего“.

Политотдел и мы взялись за обработку этого монумента. Гапановича терли с песочком, его крыли фельетонами, рисовали в виде доисторического питекантропоса, питающегося сальными свечами. И вот в результате эстакада была исправлена, появился уголь, в срочном порядке прибыли из Самары валенки и спецодежда. Так был разоблачен и аннулирован уфимский „Каннитферштан“.

ФОТОГРАФИЯ ДЕПО

Каждое утро с аккуратностью, достойной лучшей участи, депо Уфа давало сводки о невыполнении наполовину плана и неподаче 10–12 паровозов. Бригада решила проверить методы работы депо. Один из сотрудников засел у дежурного по депо и снял фотографию рабочего дня. Фотография получилась неважная, скорее карикатура, чем портрет. Вот, например, ответ

кочегара на предложение депо явиться к паровозу:

„Не пойду, потому как до сей поры не дали валенок. А без валенок ездить не намерен“.

Второй ответ, переданный машинистом через мамашу гласил:

„Машинист ушел в город смотреть в кино „Дон-Жуану“.

Курьер депо ушел созывать бригады на машины и не явился. Нашли его на следующие сутки, при чем он рассказал фантастическую историю, как его взяли в плен грабители, держали сутки в бане и потом отпустили, не тронув. Истина заключалась, впрочем, в том, что дисциплинированный курьер никуда, кроме пивной, не ходил и все вышеизложенное ему приснилось.

В котельной машинисты учинили пьянку и чуть не сожгли котел.

— Скажите, — спросили мы у заведующего водяным хозяйством Дьяконова, — как вы оцениваете такие порядки в котельной.

Дьяконов ответил крайне дипломатично:

— С одной стороны, конечно, неудобно, а с другой, — я лично ничего не обнаружил, кроме „легкой гари алкоголя“.

— Как это вы деликатно выражаетесь, — ответил политотделец Егоров, — „легкая гарь алкоголя“.

Дьяконов поправил очки и обиженным баском, но весьма язвительно „срезал“ политотдельца:

— Меня ведь, осла, только что в гимназии учили, не зыщите.

Мы, однако, решили „взыскать“ и начали регулярный обстрел депо окнами сатиры, сатирическими листками, „молниями“, фельетонами в местной политотдельской печати.

Совместная работа активистов, политотдельцев, обновленного партруководства и бригады вскоре привела к тому, что депо добилось стой-

ких результатов и полного выполнения плана.

ВАГОННЫЕ КУРЬЕЗЫ

Редколлегия читала такого рода сочинение на 12 листах писчей бумаги.

ВШИ И АПАШИ

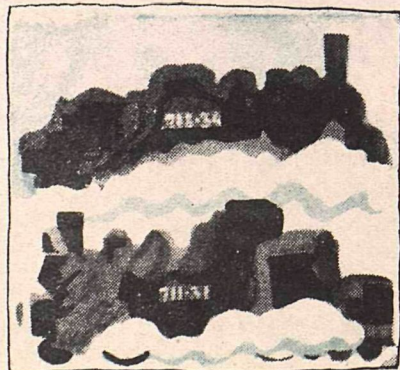
По Уфимскому райкому часто ходят апаши, Неприятные бродяги, в рубахах у них вши. То, что апаши — не миф. Факт, что от них появляется тиф

Тиф есть болезнь с повышением температуры, Высыпанием сыпи и нарушением конъюнктуры. Глаза у больного красные и блестят. Железы распухли, бронхи хрипят.

Под ложечкой замечается залегание, Пульс сто двадцать и общее недомогание.

НА ОМСКОЙ

Окно-сатира худ. М. М. Черемных. Подписи Н. Черемных (Ново-Сибирск).

Из под грязи паровозов не видно. Смотреть стыдно.

Вдым пьяного снимаю с машины Купреянова.

Примерз к рельсам паровоз Мураева. — Ну-ка, отдирай его!

К „поэме“ приложено было отношение главного врача с требованием выпустить „поэму“ срочно, отдельным изданием.

Печатать мы отказались, и тогда, вечером, в вагон явился автор — фельдшерница в халате, с тонкими поджатыми губами, которая язвительно сказала: „Ну, да я так и знала, если бы я была вашей сотрудницей, так вы бы все напечатали“.

Потом она добавила: „Вот я написала еще сатиру на „Крокодил“, можно прочесть?“ И женщина, отчеканивая каждый слог, с торжеством прочла сатиру:

**САТИРА
НА „КРОКОДИЛ“**

Что такое есть настоящая сатира?
Это значит — „отречемся от старого мира“.
„Крокодил“ должен это знать. И сатиру на тиф в корзину не бросать.
Я вам не Жаров и не Беранже,
Но поэму писать научилась уже.
То, что в моей душе, пусть „Крокодил“ узнает.
„Хоть струны порваны, аккорд еще рыдает“.

— Вы, пожалуй, и эту сатиру не будете печатать?

Пришлось сознаться, что, пожалуй, и это не напечатается. Женщина ушла очень обиженной, пообещав отослать сатиру в „Правду“.

Однажды, часа в два ночи, в вагон пришел человек в тулупе и шапке-ушанке. Он сказал: „Ну, здравствуйте, я новое начальство, из Самары прислан. Будем знакомы“.

Присев к столу, он начал излагать положение вещей на дороге, мы слушали внимательно. Художник, ковырявший стихелем липовую доску для очередного клише, изредка приподнимал голову и смотрел на гостя.

Вдруг гость начал нервничать. Он сердито обернулся к художнику и сказал: „Может быть, вам неудобно, я могу повернуться“.

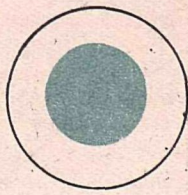
Художник с недоумением посмотрел на гостя и ответил: „Нет, пожалуйста, вы мне не мешаете“.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К концу поездки мы подсчитали баланс. Он был активен. ОРС прекратил безобразия в столовых, депо прекратило неподачу паровозов, Гапанович прекратил ссылки на „объективные обстоятельства“. Мы, в свою очередь, прекратили выпуск карикатур, эпиграмм и фельетонов.

И обе стороны разошлись к общему удовольствию.

БЕН-ГАЛИ

— Ах, я вам не мешаю, прекрасно, — сказал вошедший, вытирая пот со лба.

Но волнение его все возрастало. Неожиданно, в разгар беседы, он бросил шапку о стол и закричал:

— Нате вам, хамите, карикатурьте! Втыкайте палки в колеса!

Мы переглянулись и удивленно спросили:

— Да почему вы думаете, что мы вас хамить собираемся?

— А что же он там ковыряет?

Раздался громовой хохот, хохотал весь вагон. Гостю показали доску художника, на которой гравировался рисунок, ничего общего с посетителем не имевший.

Гость расхохотался вместе со всеми. Недоразумение разъяснилось. Новый начальник оказался дельным, энергичным работником. Особенная дружба впоследствии завязалась у него именно со страшным художником.

**„ПОЕЗД ОПОЗДАЛ
НА 8 ЧАСОВ“**

КАК НАПИСАЛИ БЫ НА ЭТУТЕМУ ПОЭТЫ:
ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ, ВЕРА ИНБЕР, ДЖЕК АЛТАУЗЕН.

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

ВЕРА ИНБЕР

Тихо плелся поезд,
Шел, не беспокоясь,
С тишиной освоюсь
Во-сте-пи.
Ждешь его, товарищ?
Даль ты взором шарить?
Ничего, товарищ,
По-тер-пи!

Поезд вез нам гвозди,
Поезд вез нам грозди,
Поезд вез нам грузди
И го-рох.
Темп движенья беден.
Машинист был бледен.
Машинист был вреден,
Ко-че-гар был плох!

Зря его поносим,
Зря к ответу просим:
Опоздал на восемь
Только он!
Кройте осторожно!
Ведь свободно можно
Опоздать безбожно
И на 8 дён!

Барабаны в банте!
Громче барабаньте
На весь мир об анти-
общественном поступке
машиниста, приехавше-
го с опозданием на 8 ча-
сов, выживив этим свой
Бу-зо-тер-ский стаж.

НИ
В Провансе,
НИ
В Брабанте
Нет горлодёров,
Нет прожётёров,
Нет бузотёров
Таких. Как. Наш.

Опоздавший поезд —
Это так красиво!
Это — отблеск детства:
„Нива моя, нива“...

Опоздавший поезд
Полон интереса...
Опоздавший поезд —
Это же Одесса!

Близок час свиданья...
Чувствую я тонко...
„Он“ — почти мальчишка,
Я — почти девчонка...

Дальний поезд, — боже! —
Мчится с дивной силой...
Через час — не позже! —
С ним придет милый...

Поезд должен сделать
Два три перегона...
Через час мой милый
Выйдет из вагона...

Голова кружится...
Сердце бьется часто.
Лишь „его“ увижу,
Я умру — и баста..

Отдалить бы этот
Час свиданья жуткий!..
Чудный, страшный поезд!
Опоздай на сутки!.

ДЖЕК АЛТАУЗЕН

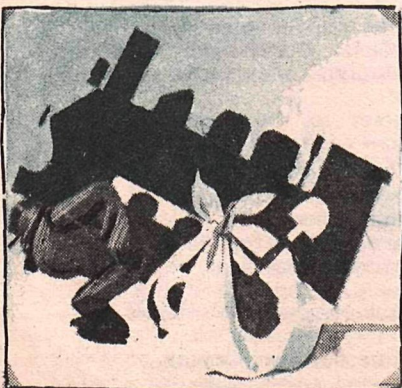
Я, поезд,
не действую строго.
Не зол я,
а мягон, как шелк.
Пускай опоздал
ты намного,
Но все же
ты к месту при ш е л!!!

Пусть ищет другой
перегиба,
Но я —
восторгаться горазд:
Кричу машинисту:
„Спасибо!“
Недаром я —
эн-
ту-
зи-
аст!

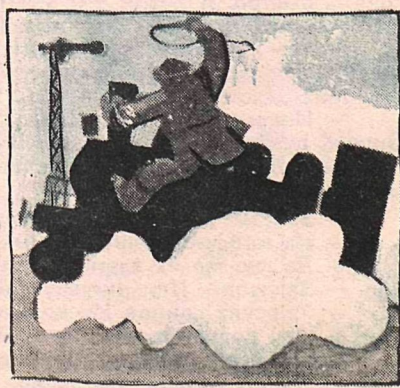
О, поезд!
Зарядку мне дал ты!
Я вижу
во всем благодать:
На 8 часов
опоздал ты,
А мог бы
на год опоздать!

МИХАИЛ ПУСТЫНИН

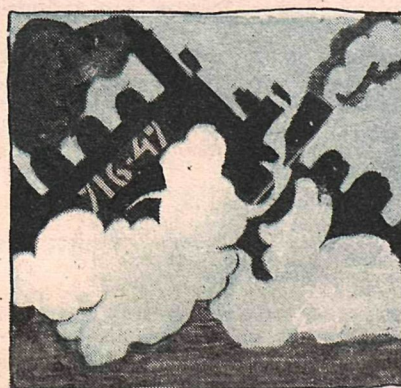
ДОРОГЕ

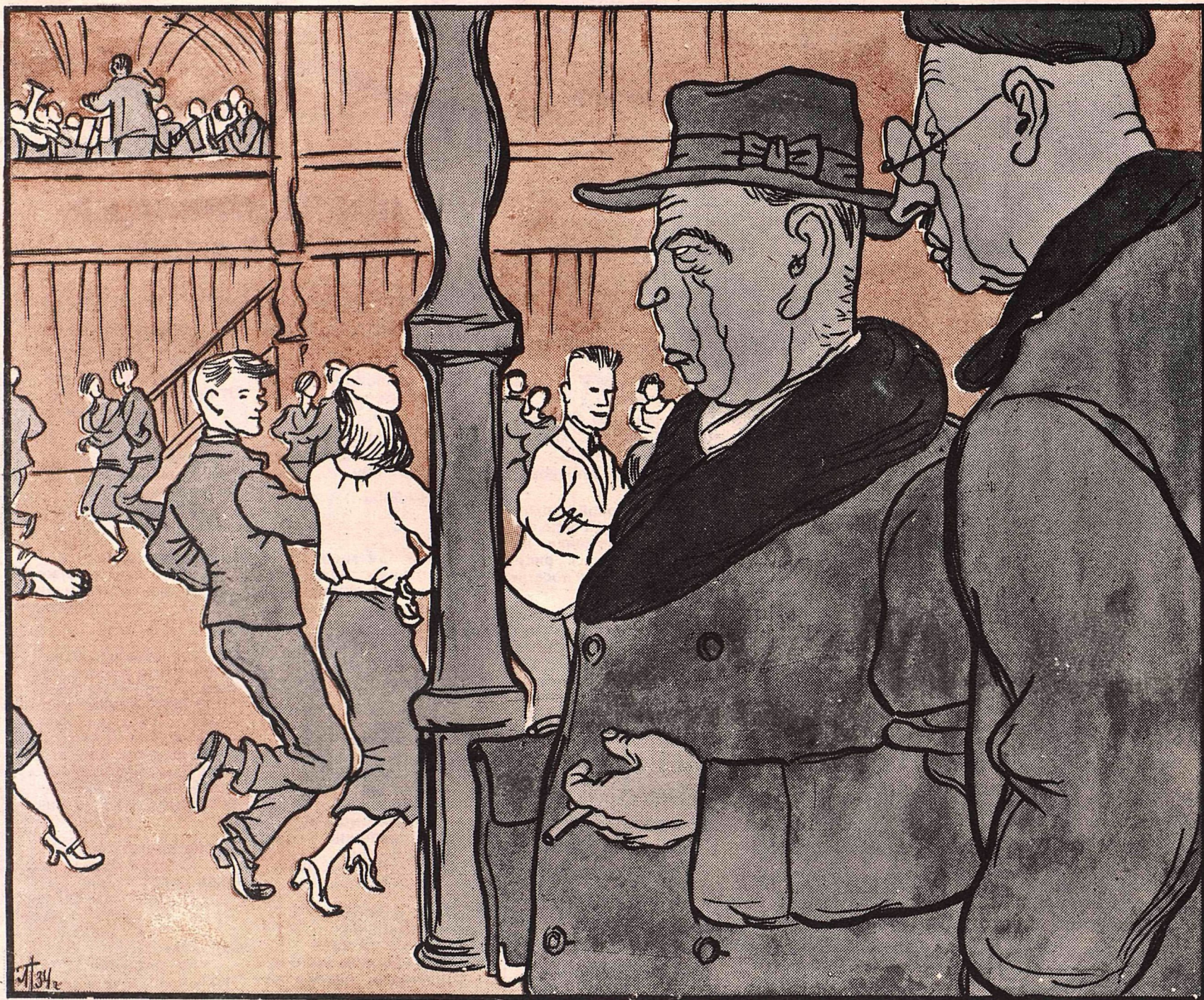
Машинист Савицкий — хорош тоже. Спер бы паровоз, да не может!

Дует мимо закрытого семафора Гриненно.

Турыгина паровоз идет стенка на стенку!

— Какой зал для докладов пропадает!..

СЕКРЕТАРШИНА ЗАВИСТЬ

На позавчерашней вечеринке меня познакомили с бледной, тихой, не совсем молодой девушкой. Входить в общение с такими девушками нежелательно: многие из них занимаются тайно стихосложением или составлением киносценариев, а некоторые делают это даже явно. Но я был поставлен в безвыходное положение: мы с бледной девушкой оказались единственной нетанцующей парой.

Я вооружился гражданским мужеством и задал девушке вопрос:

— Работаете где-нибудь?

— Служу, — ответила девушка. — Я секретарь Морсвинкооб'единения.

У меня отлегло от сердца: секретари редко предаются стихосложению.

Девушка продолжала:

— Наше правление разводит морских свинок. Знаете, для лабораторий и для всяких там опытов...

— Знаю, — сказал я. — Симпатичные такие зверюшки: четыре лапки, шерсть... Ласковые.

— Да?.. Я никогда не видала морских свинок. Ведь наше правление здесь, а свинки — там, в Поплавске. Четыреста километров.

— Симпатичные. Ласковые такие... Шерстка у них...

Девушка зевнула. Я спросил:

— Вероятно, вы очень утомляетесь на работе?..

— Почему? — удивилась девушка.

— Ну, как же. Секретарство же все-таки. Перегрузка, ответственность.

Девушка ухмыльнулась и возразила:

— Да ну вас, совсем! Какая перегрузка? Секретарь нам даже не нужен. Его и не было вовсе, а потом пришлось специально придумать эту должность.

— Специально для вас?

— Да нет же, — печально сказала девушка. — Почему для меня? Для комнаты. Наше правление недавно переехало в новое помещение, и там лишняя комната есть, прямо перед кабинетом председа-

теля. Ну, и неудобно: пустая комната и даже без секретаря... Ну, меня и зачислили. Условия ничего себе, но уж очень скучно. Никакой работы. Я страшно завидую!

— Кому?

— Остальным нашим. Все работают, все загружены. Весь аппарат. У них-то очень много дела! Ведь морсвинководство — это очень сложное животноводство. Оно — специальное. А секретер — это не специальная должность. Я только скрепляю.

— Что скрепляет?

— Ну, отношения, постановления, директивы, сопроводительные бумаги... Конечно, всего этого очень много: ведь морсвинководство у нас не под рукой, а четыреста километров! Когда под рукой, тогда можно зайти, сказать, передать по телефону, а когда за четыреста километров, тогда приходится писать и отсылать... Но ведь пишу не я, я только скрепляю подписью и ставлю печать, а это делается очень быстро. А потом что делать?..

Бледная девушка взволновалась и даже порозовела.

— Я — для комнаты! Канцелярская мебель. Остальные работают, загружены: приносят пользу, руководят, пишут, совещаются, а я что?

Мне захотелось ее утешить. Я сказал:

— Напрасно вы это... Каждый выполняет то, что может. Вы как-никак, при живом деле: морсвинководство — ведь это все-таки, знаете... Наконец вам не только же печать ставить приходится: заказы, вероятно, тоже через вас идут?

— Заказы? Какие заказы? — спросила девушка.

— На морских свинок. От институтов, от лабораторий...

— Да где же их взять?.. Их нету, — сказала девушка.

— Заказов?.. Или институтов?

— Морских свинок. Несколько штук только есть. Попогибали они...

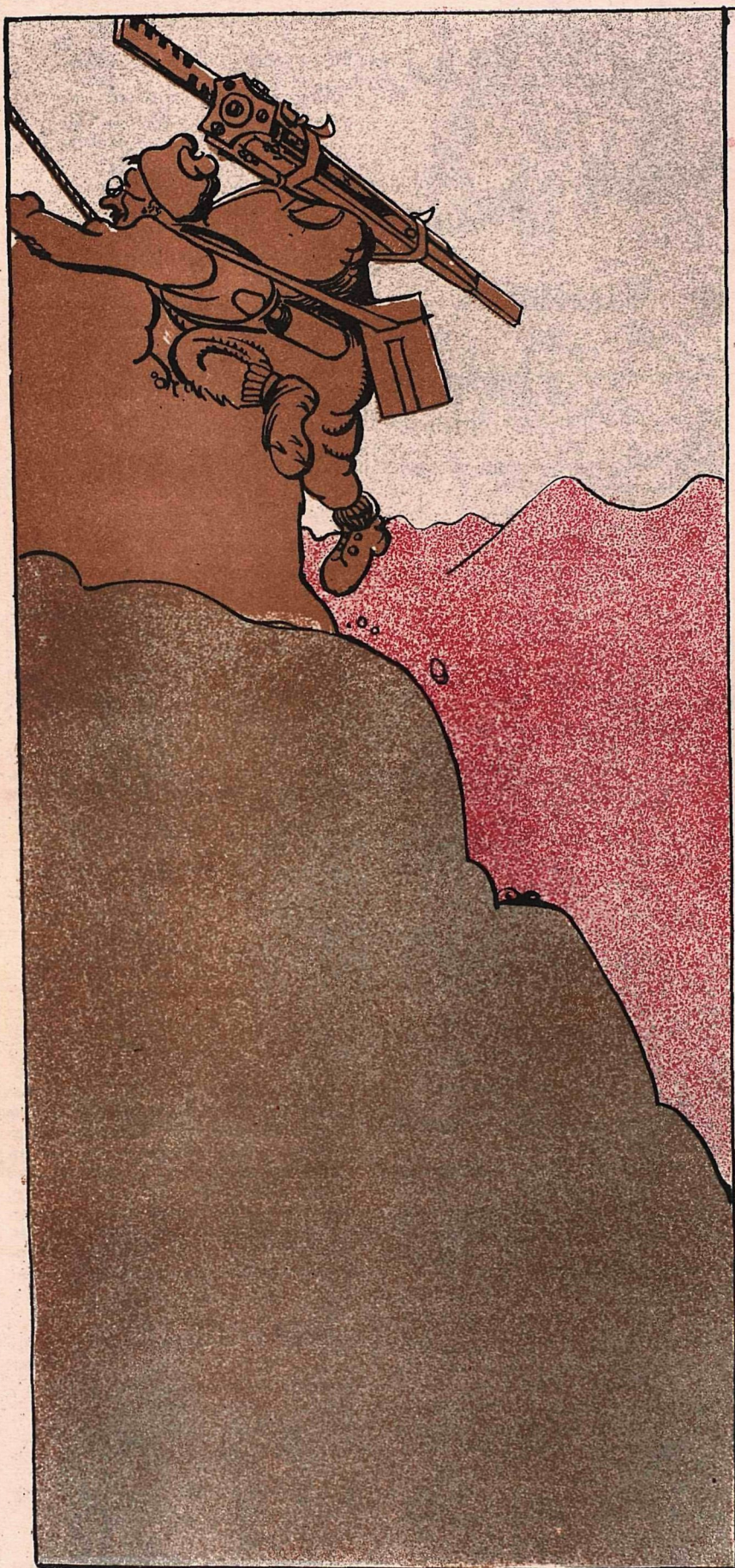
— Как попогибали?.. Отчего?..

Бледная девушка встала, посмотрела на часы и заявила:

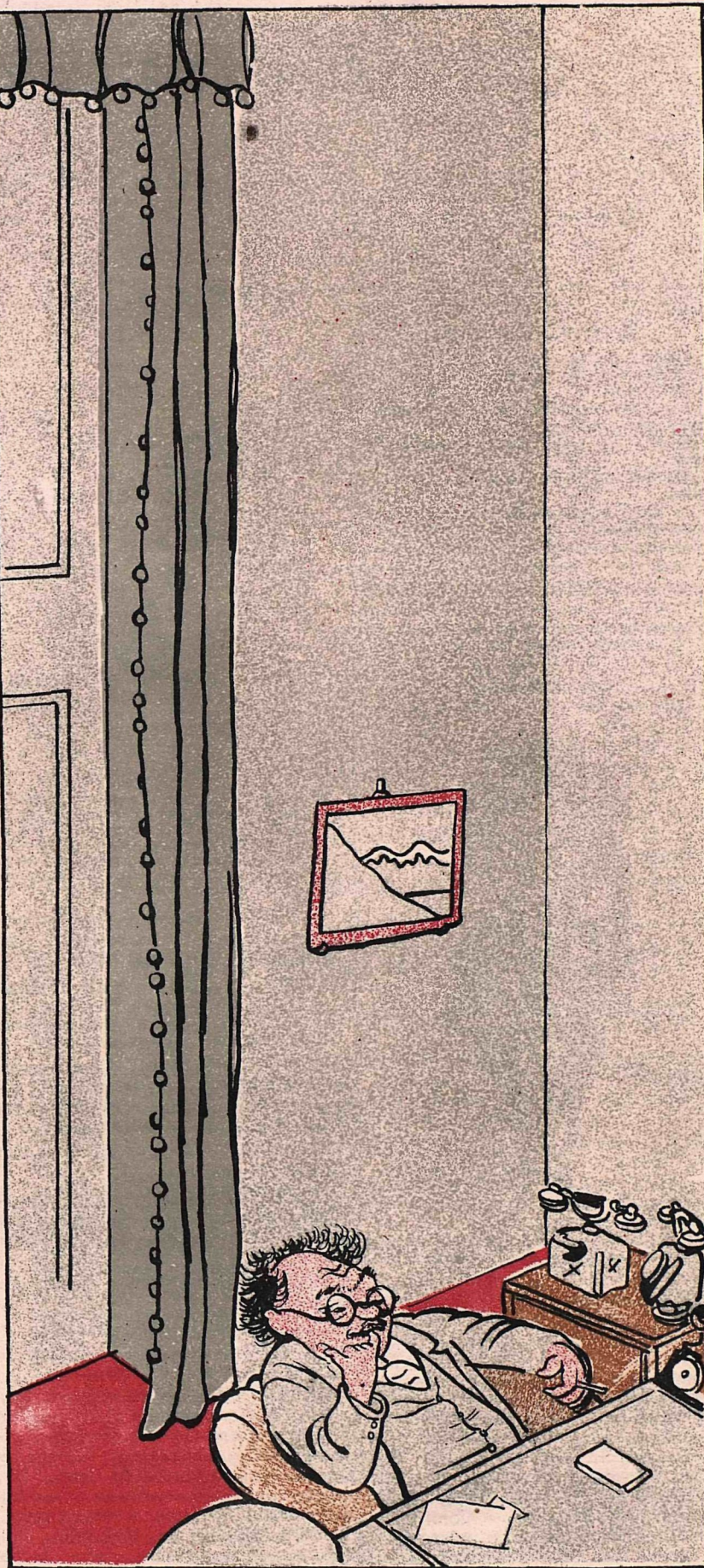
— Домой пора. Это трудно сказать, отчего... Ведь правление наше здесь, а они — в Поплавске: четыреста километров. А может быть их даже разворовали. Как отсюда узнать?

НЕОЖИДАННОСТИ ГОРНОГО ДЕЛА

Рис. К. Ротова

Спустили вниз...

Пошел в гору...

ХУЖЕ, ЧЕМ ФАКТ

В редакции „Крокодила“ стояли на одном из столов изящные часы, производства часового завода № 2.

Ничем особенным часы не отличались. В половине шестого показывали одиннадцать, в одиннадцать — четверть третьего, а в остальное время вообще не шли. Особенно после завода. До завода — тоже.

Однажды часы исчезли. Особенно после взрыва огорчения это не вызвало. Были высказаны предположения, не взяла ли их курьерша к себе домой, чтобы использовать в качестве уюга. Некоторые полагали, что экономный завхоз отдал переделать их в пепельницу.

О часах забыли.

И вдруг часы вновь появились в редакции. Они прибыли почтой

в тщательно упакованном ящике — целые, неповрежденные, попрежнему изящные и привлекательные. К часам была приложена записка:

„Находясь в крайности, часы из редакции сирал я. Хотел продать. Засмеяли. Не покупают. Оставил для домашнего обихода, будь они прокляты. И теперь пятую неделю, как сумасшедший, не знаю, который час и где у меня день и где у меня ночь. Не пью, не кушаю, только завожу — не идут. А пойдут — назад идут. После четырех три показывают, а после семи — половину пятого. Получайте их обратно.“

В. ГРАНКИН.

Адреса не пишу. Еще обратно пришлете“.

* * *

Часы снова стоят в редакции. Любители точной механики могут осматривать их в выходные дни от 12 до 5. Нам не жалко. Пусть и с завода № 2 придут посмотреть на свою продукцию. Если только не стыдно.

Четвертое действие

Оптимистическая пародия
в
нескольких сценах

Действующие лица:

ДРАМАТУРГ—мрачная личность. Дымчатые очки. Давно не был в парикмахерской. Сочиняет пьесы.

ПАЛЬЦЕВ—инженер. Активный театральный деятель.

МАНЯ—его жена. Особых примет не имеет.

КСЕНИЯ ИВАНОВНА—мать Пальцева. Старушка.

ВАРВАРА—домработница у Пальцевых. Говорит басом.

МОЛОДОЙ ТЕХНИК—хороший парень.

ОФИЦИАНТ В ПИВНОЙ—лирик.

ПЬЯНЫЕ и ПОДВЫПИВШИЕ—противные личности.

Действие происходит в театральном сезоне 1932 и отчасти 1933 года.

1-я СЦЕНА

ДРАМАТУРГ (обращается к зрительному залу):— Оять. Да, оять. Не смотрите на меня так укоризненно. Да, да. Я оять написал пьесу. Признаю свою ошибку. Но прошу вас, выслушайте меня до конца. Вернее, выслушайте меня с конца. Я вам покажу только одно последнее, четвертое действие. До сих пор вы, а также ваши родные, знакомые и однофамильцы вынуждены были, придя в театр, смотреть все четыре акта—все четыре акта!—моих пьес. Тяжело. Как знаток человеческой души я вас могу понять. Мы—люди свои. Я с вами неоднократно встречался в театре. Вы знаете излюбленную тему моих пьес. Я пишу об инженерах. Только об инженерах. В пьесах моих они не действующие, а бездействующие лица. Они не работают, а переживают и перерождаются. У меня инженер в первом и во втором актах—индивидуалист. Ах, какой противный индивидуалист! В третьем акте я его, голубчика, беру в работу: мучься сомнениями и килограмм за килограммом теряй унаследованный индивидуализм. В четвертом акте он постепенно перерождается и к концу, к тому самому времени, когда вы торопитесь не опоздать к последнему трамваю, он уже коллективист. Этаким милый, чудный коллективист! Сейчас вы это сами увидите.

2-я СЦЕНА

Квартира Пальцевых. Столовая. На столе самовар, чайная посуда. КСЕНИЯ ИВАНОВНА и ВАРВАРА возятся с посудой. МАНЯ сидит в кресле, грустная. Гнетущая тишина. Ксения Ивановна передвигается на цыпочках. Все поминутно оглядываются на дверь, ведущую в соседнюю комнату.

ВАРВАРА (басом неожиданно прерывает молчание. Все вздрагивают): Ох, как весело! Как в театре!..

МАНЯ (испуганно):— Тише... Тише... (указывая на дверь) Иван Петрович... (Из соседней комнаты доносятся стон и рычание).

КСЕНИЯ ИВАН. (вытирает слезу):— Оять? Скоро ли кончатся наши мучения? Он страдает. А нам такие роли, думаешь, легко играть?

МАНЯ:— Скоро. Скоро. Началось последнее действие.

ВАРВАРА (щелкает себя по шее):— Выпимши? Али (пятерней ерошит свою прическу) это самое... пере... пере... того...

МАНЯ (наставительно):— Пере-рождается!

ВСЕ (хором):— Перерождается. (Из соседней комнаты доносятся стон и рычание).

ВАРВАРА:—А чудно все это. Как в театре. Бегают Иван Петрович по комнатам, словно с расстройством желудка (ерошит волосы), бегают и бормочет иностранные слова. Вот с моим прежним хозяином тоже бывало это самое пере... пере... того... У того больше от пьянства. Как напьется, так рычит, как тигра: „Я теперь сам не свой. Я король абиссинский, царь польский, князь финляндский. Я—Екатерина Великая“.

КСЕН. ИВАН.:— Вот бесстыдник! МАНЯ:—Это раньше лезли с разными королями да Екатеринами. Теперь на другое упирают: «Я, говорит, с детства токарь по металлу, а мать моя прачка“.

КСЕН. ИВАН.:— Это про родную-то мать! Родила, вскормила, вспоила и вдруг—прачка.

ВАРВАРА:— Прачка—не обида, а член пресоюза.

МАНЯ:— Тише! Не дадут человеку спокойно переродиться. (Шопотом). Варвара, глянь-ка, что он там делает.

ВАРВАРА:— Нет, это не для моих нервов.

КСЕН. ИВАН.:— Нервы или там пульс бывает только у людей с высшим образованием. Ничего. Погляди.

ВАРВАРА (смотрит в замочную скважину, шопотом):— Чешется.

МАНЯ:— Что?

ВАРВАРА (громко):— Чешется. (Все вздрагивают).

МАНЯ:— То-есть, как это чешется?

ВАРВАРА:— Лапой по морде водит и чешется (показывает).

МАНЯ:— Фи! Лапа. Морда. Чешется. Это он мучается сомнениями, переживает.

ВАРВАРА:— Усами шевелит и рычит.

(В это время из другой двери заходит ПАЛЬЦЕВ. Никто его не замечает. Он стоит молча и слушает).

МАНЯ:— А что он еще делает?

ВАРВАРА:— Залез, сукин сын, в буфет и лакает повидло.

ПАЛЬЦЕВ:— Это кто?

(Немая сцена. Ксения Ивановна и Маня смотрят то на него, то на Варвару с удивлением).

КСЕН. ИВАН. и МАНЯ:— Ваня! Варвара!

ВАРВАРА (продолжает смотреть в скважину):— Совсем пере... пере... того.. Облизывается.

КСЕН. ИВАН.:— Кто?

ВАРВАРА:— Да кот-Васька. Вот чуждый элемент!

ПАЛЬЦЕВ (глухо):— Мне надо кое о чем подумать.

ВАРВАРА (пальцеву):— Иван Петрович, уберите индивидуализм?

(Пальцев утвердительно качает головой).

ВАРВАРА:— Родная мать, любимая женщина и прочие пережитки, катитесь.

(Ксения Ивановна и Маня уходят. Варвара берет самовар и собирается уходить).

ПАЛЬЦЕВ (Варваре):— Обожди. Скажи, у вас в деревне бывает такое, чтоб человек одевал новую шкуру?

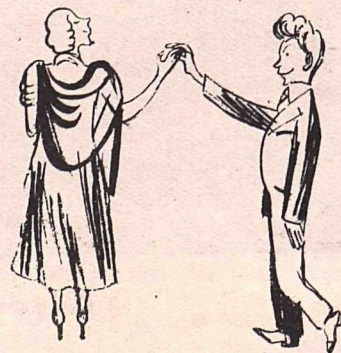
ВАРВАРА:— С людьми таких случаев не встречала. А вот коровы, те весной меняют. (Уходит).

3-я СЦЕНА

4-я СЦЕНА

ПАЛЬЦЕВ (жене):— Звонил драматург. Хотел ко мне зайти. Но сильно занят. Срочно пишет новую пьесу на новую оригинальную тему: перерождение инженера. Очень интересно. Говорит, что со мною уже скоро все благополучно заканчивается. Последняя отточка перед выпуском на рынок. Предлагает мне использовать еще одно сильное действующее средство. Влияние молодой современной девушки. Существо это такое новое, физикультурное.

Так вот,—сыграй роль такой девушки. Влияй на меня! Влияй! Крепче влияй.

МАНЯ: — Приготовилась. Начинаю. (Сходит по ступенькам в зрительный зал. Идет на сцену).

ПАЛЬЦЕВ (галантно):— Прошу вас. (Подает руку).

МАНЯ:— Не надо, товарищ Пальцев. Вы должны знать, что девушки нашей страны...

ПАЛЬЦЕВ (с ужасом):— Что? «ДЕВУШКИ НАШЕЙ СТРАНЫ?» Это — что в театре ВЦСПС? Не надо. Там без меня перерождаются.

МАНЯ:— Но успокойтесь, мой друг!..

ПАЛЬЦЕВ:— «МОЙ ДРУГ?» Погодина? Не хочу. И там пере...

МАНЯ:— С вами разговаривать — это просто страшно!

ПАЛЬЦЕВ:— «СТРАХ»? Афиногенова? И там...

МАНЯ:— Какой вы чудак!

ПАЛЬЦЕВ:— Еще раз Афиногенов?

МАНЯ:— Вы говорите сущий вздор.

ПАЛЬЦЕВ:— «ВЗДОР»? Константина Финна? Там даже глухонемой разговаривает.

МАНЯ:— Что же мне дальше делать?

ПАЛЬЦЕВ:— Вот что. Когда я перерождаюсь, мне хочется танцевать. (Танцует вместе с женой. Вдруг останавливается. Испуганно — к публике): А может я не так исполняю свою роль? Скажите, так или не так?

ДРАМАТУРГ (из-за кулис):— Не так! Не так! (Появляется на сцене). Сейчас прорепетируем. Два варианта. Первый вариант: вы — мрачный, спившийся индивидуалист.

5-я СЦЕНА

Пивнушка. Подвыпившие личности. За одним из столиков кто-то тянет заунывную песню. ПАЛЬЦЕВ сидит за столиком, мрачно смотрит на недопитую бутылку пива. Между столиками сует усащенный официант.

ПАЛЬЦЕВ (обращаясь к бутылке):— Одна бутылка пива. Одинокая бутылка. Одинок и я. Пить или не пить? Вот в чем вопрос. Выпьем, куме, тут, на том свете не дадут. Великий Нищий говорил (наклоняясь к суфлерской будке). Что? Не нищий, а Нище говорил, что... (наклоняясь к будке). Что он говорил...

СУФЛЕР (голос драматурга):— Падающего подтолкни, а толкающего благодари. (В дальнейшем говорит из суфлерской будки драматург, а Пальцев беззвучно шевелит губами и жестикулирует). Куда ити? Кому молиться? Я сейчас сжигаю (Пальцев при этих словах вынимает спички и чиркает) корабли. Столько неразрешенных вопросов. Кому поведем печаль мою? Камо грядеши? Куда, куда вы удалились? Каких полей, какой долины ты украшением была? Ах, зачем эта ночь так была хороша?

ОФИЦИАНТ (останавливается за спиной Пальцева, всхлипывает, а затем громко рыдает):— Гражданин, ваш психоанализ перевернул все мое нутро. Товарищ?

Пальцев (всканивает с места. Повторяет за суфлером):— Слышите? Он назвал меня товарищем. А я? Нет. Больше не могу. (Хватает шляпу). Бегу домой перерождаться.

(Занавес. На авансцену выходит драматург. Свистом из за кулис вызывает Пальцева).

ДРАМАТУРГ (Пальцеву):— Неплохо. А теперь попробуем второй и последний вариант. Вы — чудак-индивидуалист.

ПАЛЬЦЕВ (обреченно):— Я — чудак-индивидуалист.

6-я СЦЕНА

Комната в учреждении. За столом — молодой техник изучает чертеж. Пальцев сосредоточенно ловит мух.

ПАЛЬЦЕВ:— Я странный человек. Оригинал.

МОЛОД. ТЕХНИК:— Не может быть!

ПАЛЬЦЕВ:— Ей-ей. В январе, например, забну, а в июле — потею. Такой чудак!

МОЛ. ТЕХНИК:— Гм.. Действительно. Впервые вижу такого человека.

ПАЛЬЦЕВ:— Странностей у меня много. Не побреюсь, волоса растут.

МОЛ. ТЕХНИК:— И давно это у вас?

ПАЛЬЦЕВ:— Я хожу в театр Семперантэ.

МОЛ. ТЕХНИК:— Действительно, чудак.

ПАЛЬЦЕВ:— И на концерты в Дом союзов.

МОЛ. ТЕХНИК:— Бедный!

ПАЛЬЦЕВ:— Я — старый чудак. Знаете, я даже чаю не пью. Почему? Не приходится. Дома экономлю на сахаре. А в гостях такую уйму сахару кладу в стакан, что пить противно.

МОЛ. ТЕХНИК:— Рассказываете, гражданин, старые анекдоты. (Уходит).

ПАЛЬЦЕВ:— Старые анекдоты! Ха ха! А по чьей милости я их рассказываю? Кто виноват в том, что... (Занавес. На авансцене Пальцев. Свистит. Появляется драматург).

ПАЛЬЦЕВ:— Кто виноват в том, что я рассказываю старые анекдоты? (Срывает с себя парик, бородку). Довольно мучить меня и (указывая на публику) их. Пора кончать комедию. (Драматург хватается за голову). Вы ошиблись квартирой, товарищ драматург. Вы не сюда попали. Я не хочу перерождаться. Я только три года тому назад окончил втуз. Я — ударник. Молод и жизнерадостен. Работаю и пою. Обо мне, о моей песне напишите. Напишите веселую пьесу о молодом советском инженере со значком «ГТО» на груди...

ДРАМАТУРГ (срывает с себя парик и грим. Весело смеется):— Согласен!

Г. РЫКЛИН

В ПОРЯДКЕ КАТАСТРОФЫ

Рядовой клубный концерт обычно организуется в порядке катастрофы. Накануне вечером о нем известно только одно, что он на сегодня отменяется. После этого утром взломанный завклуба появляется в шумных и неаккуратных коридорах гомцеобразного учреждения с видом человека, за которым гонится взбешенный носорог.

Стол заказов разыскать не легко. Вчера еще он был в третьей комнате, между печкой и плевательницей, около окна, и сидел за ним унылый мужчина с висящими усами и обидно большой бородавкой у носа. За ночь плевательницу украли, окно заняла комиссия по проверке текстового оформления цирковых собачьих номеров, стол заказов вынесен в коридор, и за ним уже сидит маленький человечек, в белых туфлях и рыжей кавказской папахе.

Маленький человечек знает заранее, почему у завклуба мутный взгляд и что ему здесь надо.

— Вы хотите иметь один срочный концерт для клуба? — успокаивающе спрашивает он. — Вы будете иметь один срочный концерт для клуба.

— Да, но видите ли, наш клуб — это такой клуб, который...

— У всех такие клубы и у всех они — которые, — равнодушно жует бутерброд человечек за столом. — Вы будете от нас иметь одного баритона — один, одну колоратуру — одна, двух сатириков — два, одну — водевиль — одну... Итого вместе с аккомпаниатором, не считая конферансье, плюс проезд — шестьсот рублей...

— Шестьсот не могу, — вздыхает завклуб, — зарез!

— Так имейте в другом месте ансамбль без зареза. Что значит зарез? Я вам сказал шестьсот, — и пусть это будет твердо пятьсот тридцать с конферансье. Саша, — обращается он к кому-то сзади себя, — кто у нас свободен из конферансье?

— Цапин занят, Драпин занят, — раздается из-за отдаленной стенки с плакатами монотонный Сашин голос. — Хапин на шести концертах...

— Подумаешь — Карузю! Он же не танцует, а разговаривает. Поговорит и на седьмом. Имеете первоклассного конферансье, товарищ клуб.

Сговариваются на четырехстах сорока минус проезд.

Днем ансамбль лихорадочно подготавливается к концерту. У стола заказов начинается тяжелая, но бесполезная дискуссия.

— Нынче к транспортникам? — осведомляется баритон.

— А если наоборот — к металлистам, так вы не Тореадора будете петь, а Кармен? — сердито откликается человечек за столом. — Что это за ария в посевную кампанию?

— Не я писал, — обижается баритон, — Бизе писал...

— Бизе, Бизе... Когда сто рублей за выход получать, так каждый — Евгений Онегин, а когда новую арию выучить, так все — гугеноты...

Колоратурное сопрано страдает насморком, потеряла утром сумочку с документами и губную помаду, расстроена и знает только «Колокольчик» и «Светлячки».

— Далеко я не поеду, — предупреждает она, — я — колоратура, колоратуру за город не таскают.

— Ну, так сядьте вот тут на этот стол и гудите мне в уши ваши колокольчики и бубенчики, если вам далеко! Ей далеко! А мне близко давать полную программу за четыреста сорок рублей? Не хотите, — дам им баяниста. Пусть им играет, на чем хочет...

Не беспокоятся только сатирики Шпуль и Дорофеев. Идеологическую часть своего номера они произносят на два голоса с таким запалом, что зрители в первых рядах пригибаются как от ветра, а мужественная часть заключается в музыкальной пиле и частушках с припевом: «Вот так финик, вот так финик, это значит — апельсин». Шум, производимый ими на эстраде, настолько велик, что неуспех тонет в нем, как щенок в ванне.

Не беспокоится и скетчевая пара — Задрайская и бывший артист бывшей «Синей блузы» Грудинкин. Они уже четыре года играют один и тот же скетч — «Гнет наоборот» и, если сбиваются в тексте, клубные зрители, знающие его наизусть, подают им из задних рядов наиболее важные реплики.

Конферансье Хапин бежит к эстраднему автору Гильдееву, который спит мрачным сном после трехсуточного покера, будит его и страстно шепчет в волосатое ухо:

— Родненький... Парочку смехов!.. Выступаю сегодня...

— Деньги под подушку, — хрипит Гильдеев, не раскрывая глаз.

— Кладу, кладу, солнышко, — сует Хапин под подушку смятую белую бумажку с привычной цифрой. — Только хоть парочку дайте...

— Толстяк в трамвае, — сонно выдавливая Гильдеев, — стал на ноги дамочка, а дамочка говорит... Дайте папиросу!..

— Это дамочка говорит?

— Нет, это я говорю. Дайте. А дамочка говорит: «Зачем вы мне стали на ноги?..» А толстяк говорит: «Не на голову же вам становиться». Дойдет?

— Дойдет, родненький. А совсем политическое нельзя?

— Можно, — засыпая, бубнит Гильдеев. — Тардье в парламенте наступил на ногу Гендерсону, а Гендерсон говорит: «Зачем ты мне наступил на ногу?», а Тардье говорит: «Не на голову же мне тебе наступать»...

К вечеру ансамбль постепенно съезжается на срочный концерт в клуб.

Успокоенный завклуб радостно пересчитывает наличный состав.

— Один баритон — есть, одно контральто — имеется, два сатирика — есть... Публики что-то маловато, ходить на концерты отучилась, — ну, это пустяки, сегодня нет — завтра придет.

* * *

Вам нужны такие концерты? Думаю, что нет. Кому же они нужны?

АРК. БУХОВ

Рис. и тема Ю. Ганфа

ДИРЕКТОР ОБУВНОЙ ФАБРИКИ: — Вот это настоящий потребитель обуви. Такой скандала из-за подметок не устроит...

СЧЕТОВОДЫ

Расчетный отдел 1-го господшипникового завода в январе месяце обещал рабочим шлифовки на большие суммы. В отделе свирепствует функционалка: одна группа занимается сложением, другая — вычитанием, третья — умножением и т. д. Были случаи, что к зарплате прибавлялись табельные номера и выдавались чистой монетой.

Самое страшное у нас на заводе — иметь дело с цехом вычитания.

У станочницы Кузнецовой табельный номер стоял внизу причитающейся за январь зарплаты. Пришла она получать монету, смотрит, а с нее удержано 38 р. 94 коп. Кузнецова лирически вскрикнула:

— Милый, табельный номер-то у меня маленький, всего 7/91, за что же у меня 38 руб. вычли?

Но никакие аргументы не помогли, ответили кратко и ясно:

— Мы лучше вас знаем, за что вычитаем.
У тов. Осепьяна, начальника шлифовки, кажись, и табельного номера нет, а не повезло ему ужасно. Зарабатывает 650 руб. в месяц, а на руки за январь ему выписали 150. Где же пятьсот рублей? Бежит он в расчетный отдел, ругается. Там ему отвечают:

— Позвольте, мы с вас пятьсот высчитали.
— За что же?
— А вот здесь 305.
— Какие 305. Это 3-05—заводской телефонный коммутатор.
— Ничего не знаем,—отвечают бухгалтера.
— Коммутатор, аккумулятор, все равно высчитываем. Теперь 110 рублей.

— Господи боже, ведь это ж 1-10—мой добавочный телефон.

— Вот мы добавочный-то с вас и высчитали. Итак, триста пять плюс сто десять—четырееста пятнадцать. Теперь у вас здесь с Тверской неблагоприятно. Тут у вас Тверская, 28.

— Да это же номер дома, где я живу.
— Живете, живете. Вы еще дешево живете. У Ивана Петровича мы сто двадцать вычли, а с вас всего 28, а вы плачете.

— Так, двадцать восемь еще плюс пятьдесят пять.

— Изверги, да это же номер моей квартиры.
— Рассказывайте,—квартиры. Мы все знаем. Это будет четыреста девяносто восемь рублей плюс два.

— Два? Да это же два звонка мне на квартиру.

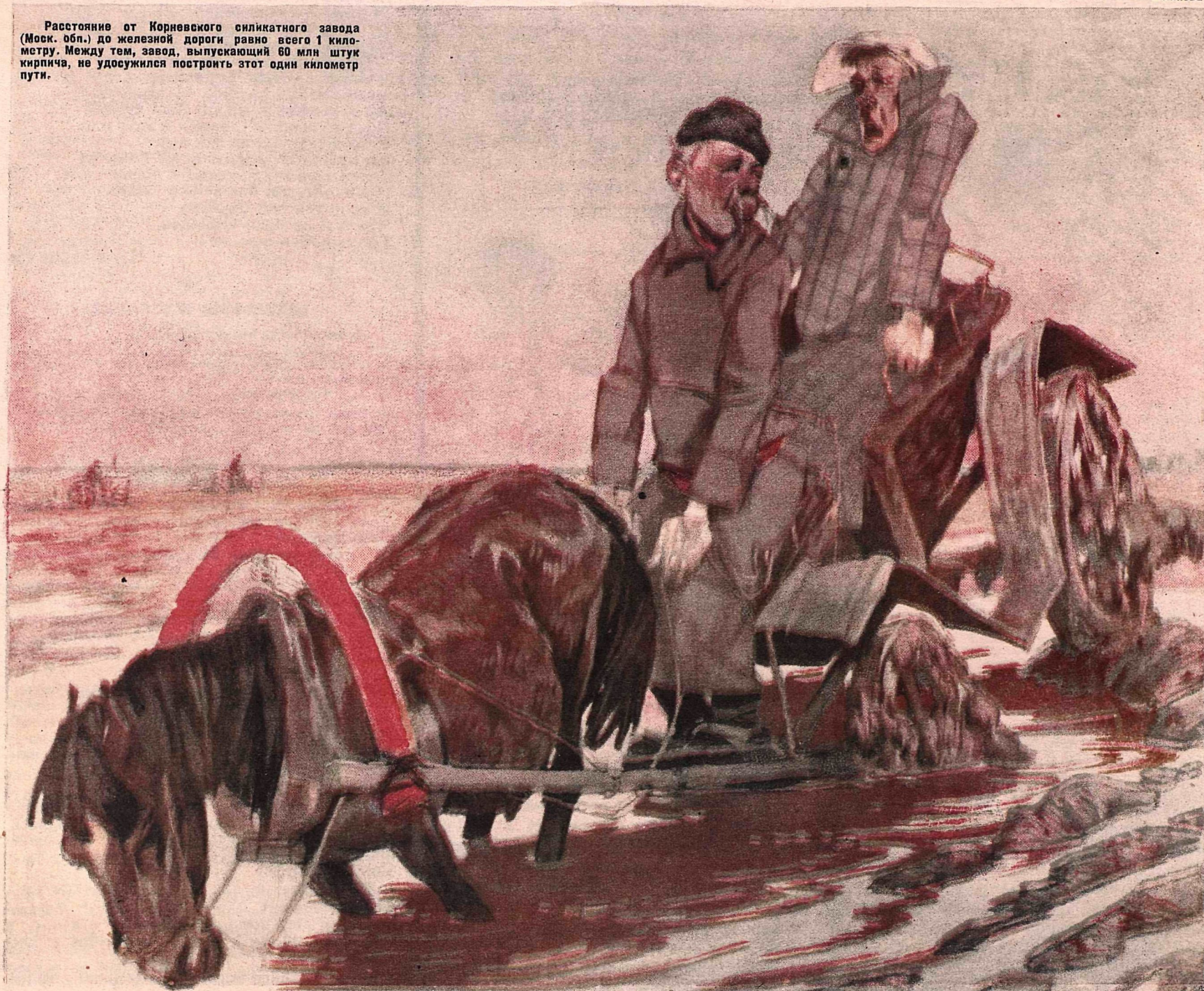
— Все равно высчитываем, звонки тоже денег стоят. Беспокойства разные, итого пятьсот рублей.

Все есть к нашим услугам в расчетном отделе: табельные номера, телефоны, резинки и в результате—итого...

Раз, два—обчелся... Счетоводами.

П. ЧЕРЕНКОВ

Расстояние от Корневского силикатного завода (Моск. обл.) до железной дороги равно всего 1 километру. Между тем, завод, выпускающий 60 млн штук кирпича, не удосужился построить этот один километр пути.

— А скажи мне, братец, хорошие в вашем районе дороги?
— Сами видите! до того хороши, что прямо дальше ехать некуда.

(Г. Шебуев)

ПОДВОХ, А НЕ ПРАВИЛА!

Ночь. Вьюга. Холодно. На маленькой станции, затерявшейся в сугробах сальских степей, тихо. Зал с допотопной вывеской „III класс“ набит доотказа. Многие, сидя, уткнувшись друг в друга, спят. Тишина. Она будет до утра, когда за час до прихода первого утреннего поезда из Сталинграда на Ростов не откроется касса.

Напротив, куда ведет узкий коридор, — зал с не менее допотопной вывеской „I—II классы, буфет“. Сонная официантка лениво разносит чай, еле переставляя толстые ноги, обутые в раздавленные, пришедшие в ветхость сапоги. Буфетчик, жирный, толстый, дремлет. Хочется спать.

Выбрав момент, я незаметно для буфетчика ложусь на дальней, приставленной в угол скамейке. Быстро засыпаю. Сон длится не долго. Сквозь сон слышу, как кто-то ко мне подошел. Что-то говорит. Но я не могу проснуться. Уставший, размятый сном, с силой открываю глаза. Передо мной — буфетчик.

— Вставай, здесь спать не полагается.

— Хорошо, — отвечаю я и поднимаюсь. Буфетчик уходит. Я переворачиваюсь на другой бок и вновь засыпаю. На этот раз меня разбудили двое: буфетчик и дежурный стрелок охраны ж.-д. войск.

— Вам придется уплатить штраф, — кричит буфетчик мне в самое ухо и резко дергает меня, силясь стащить со скамейки.

— Что, штраф, за что?

— Платите и не разговаривайте, — наседает буфетчик.

Видя мое твердое нежелание покинуть скамейку, вмешивается дежурный стрелок. Он уверяет, что по железнодорожным правилам за такие преступления, какое допустил я, взимается штраф. Вид у него при этом такой, что все, что он говорит, — истина, не подлежащая никакому сомнению.

— Ну, тогда покажите мне эти правила...

— Ишь какой, покажи ему, — неистовствует буфетчик. Дежурный стрелок молчит и затем, указывая на лозунги и плакаты, развешанные, прибитые по стенам зала, заявляет:

— Вот здесь об этом сказано.

Обуреваемый любопытством прочесть эти правила, я встаю, иду, читаю плакаты, лозунги, объявления, извещения.

„Здравоохранение трудящихся есть дело рук самих трудящихся“, — гласит один плакат.

„Гражданин! Помни, вагон — твое временное жилище. Блюда в нем чистоту“, — гласит второй.

— Но ведь это не имеет никакого касательства к содеянному мною преступлению, — заявляю я.

— Дальше, дальше, — говорит охранник, указывая на остальную стену зала, еще не осмотренную нами. Идем дальше. Ничего подходящего не обнаруживаем. Буфетчик уже давно отстал. Занялся своим делом. Уже 5 часов утра. Касса открылась. Зашевелился станционный людской муравейник. Все забегали, засуетились. Дежурный стрелок делает грустную мину на лице.

— Будьте покойны. Правило вам найдут,

и штраф с вас, как с миленького, возьмут. Дежурный внимательно выслушивает долгие пояснения стрелка о сути моего преступления и взмахом руки схватил с самой верхней полки пыльную толстую книгу. Когда пыль рассеялась и после того, как она снова улеглась в щели и уголки станционной дежурки, дежурный все рылся в „своде законов“, то бишь, правилах ж.-д. сообщений, изданных в 1897 г.! Там много было статей, и ни одна из них, повидимому, не относилась к содеянному мною преступлению.

Раздался звонок. Подошел поезд. Я обернулся: стрелка за мной не было. Он тихо исчез.

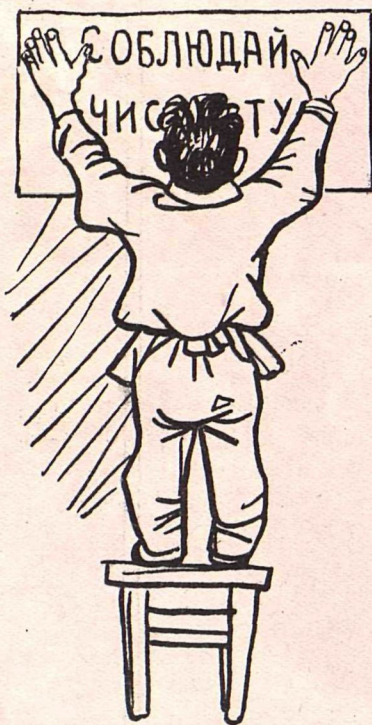
— Ну, как же быть? — недоумеваю спрашивая дежурного.

— А ну вас к чорту, некогда мне, — и ухватившись за трубку зазвеневшего телефона дежурного, подчеркнуто повернулся ко мне спиной. Второй звонок. Оглядываясь, бегу к вагону. Навстречу мне идет, широко размахивая полами шинели, стрелок. Увидев меня, он круто поворачивает и идет быстро обратно к голове поезда. Я чувствую: ему неудобно. В нем поколеблена вера в свод законов НКПС „времен Очакова и покорения Крыма“. Теперь даже в очевидных случаях правонарушения на ж.-д. он будет сомневаться в их наказуемости.

А вдруг да не окажется соответствующего пункта в ж.-д. правилах. Как тогда быть? Мы спрашиваем НКПС, как быть в таком случае?

Сплошной подвох, а не правила!

АЛ. ЧАРОВ

(М. Глушков)

ТЕХМИНИМУМ

Я не про себя рассказываю, про себя мне рассказывать нечего, — работаю на Могэсе смазчиком, что тут расскажешь? Конечно начинаю учиться. Одолею науку, буду инженером, тогда, может быть, и про себя расскажу, а сейчас — не обо мне разговор.

Живет у нас в квартире один товарищ, пожилой уже, ласковый такой, внимательный. Нето журналист, нето писатель. Учености непомерной. И книг у него масса. Так я иногда к нему заглядываю книжку попросить, всегда даст и расскажет, что к чему и как. Василием Ивановичем звать.

Вчера зашел вечером к нему посмотреть в технической энциклопедии слово „магнето“. Встретил меня, как всегда, приветливо, руку пожал, книгу дал и разговор завел:

— Вот пишу. Большую статью пишу. Об овладении техникой. Основной вопрос сейчас. Вот вы, например, должны знать технически все, что касается электричества. Не столько теоретически, сколько технически. Вот, например лампа. Почему она горит, как ее исправить, если она потухнет, вообще, как эта штука сделана, как она питается током...

Он приподнялся и схватил настольную лампу, чтобы показать мне. А она, подлая, возьми да и потухни. И остались мы в темноте. Василий Иванович из темноты заговорил еще радостнее:

— Вот видите — потухла! Не знай я этого технически, я был бы беспомощен, сидел бы в темноте до прихода монтера, платил бы деньги монтеру за ерундовскую работу, которую каждый может выполнить сам, платил бы налог за собственную техническую неграмотность. А теперь — пожалуйста со мной, и вы увидите, как чинятся коробки. Идем!

При свете спички Василий Иванович разыскал кусок тонкой проволоки и потащил меня в коридор. В коридоре свет горел. Василий Иванович достал лестницу и полез к пробкам:

— Сейчас вы увидите, что ничего сложного нет, — простейшее дело! — бормотал он с лестни-

цы, проделывая что-то руками вокруг и около пробок. Через секунду послышалось зловещее шипение, и коридор погрузился в глубокую тьму, изредка прорезываемую синими молниями и вскрикиваниями Василия Ивановича.

Захлопали двери, зашаркали шаги по коридору, засветились светлячки спичек в пальцах, и коридор наполнился жильцами, встревоженными внезапной темнотой.

Все сгрудились возле лестницы, на которой возвышался Василий Иванович. Нелестные замечания волной поднимались к пробкам, а безвинный страдалец махал обожженными руками и кричал:

— Граждане, спокойствие! Авария, видимо, не здесь, а на лестнице, в трехфазном токе! Помогите мне перенести лестницу, и через минуту будет свет!

Граждане, встревоженные непонятным сообщением о «трехфазном токе», перетаскивали лесенку на черный ход и, моргая от яркого освещения, смотрели за тем, как Василий Иванович добирался до наружных пробок.

Вспышка, вопль, грохот падения и полная тьма, — все это произошло сразу. Нарастающий снизу и сверху топот ног, проклятья и угрозы самосуда, — все это возникло минуту спустя. Весь дом погрузился во мрак.

Василия Ивановича я на руках отнес в его комнату, разыскал по его стонущим указаниям свечку, приложил примочку к шишке на затылке, полученной при падении с лестницы.

Когда вызванный монтер восстановил освещение и пошел получать с виновника тьмы свою зарплату, Василий Иванович кротко сказал:

— А вот у меня все-таки не горит! — и показал настольную лампу.

Монтер крутнул лампочку. Она загорелась.

— Вывинтилась, — просто сказал он, получил деньги и ушел.

Я молча ушел за ним. Молчал и Василий Иванович.

В. ПАВЛОВ

ЛАСКОВЫЙ НАЧАЛЬНИК

Начальник с воином стояли перед строем (А дело было перед боем).
От напряженья выбившись из сил,
Начальник воина просил:
— Прими же, друг, моление мое,
Послушай, воин... заряди ружье!
Молю тебя... просить не перестану,
Ну, — хочешь, — на колени стану?!
Пока начальник говорил с мольбой,
На флангах загорался бой.
Но нужно ли доказывать? Едва ли.
Такие войны сраженья б проиграла.
Мораль видна без всяких споров,
И ясно говорит рассказ,
Что там не надо уговоров,
Где надобен приказ!

М. КОССОВСКИЙ

ШАХМАТЫ И ШАШКИ

К японскому министру Хаяси

в кабинет ворвались члены боевой фашистской организации и, угрожая шашками, требовали его отставки.

Мы были уверены, что в Японии большим успехом пользуются шахматы. Оказывается, что шашки еще популярнее.

МЯСНАЯ ПРОБЛЕМА

В Дании по требованию „ассоциации фермеров“ и с согласия социал-демократического правительства

для поднятия цен на мясо сожжено 175.000 голов рогатого скота.

И социал-демократы и буржуа удивительно трогательно заботятся о вздорожании мяса. Единственное мясо, которое они согласны предоставить за дешевку, — это пущечное.

ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ

Чеховский персонаж считал почему-то, что Овсов — лошадиная фамилия. Московское предприятие „Универкнига“ вполне согласно с ним.

Так, например, на запрос своего клиента Малахова о высылке ему популярной книги о туберкулезе легких „Универкнига“ незамедлительно посылает Малахову книжку „Патологическая анатомия рака легких“, не имеющую никакого отношения ни к туберкулезу ни к популярности.

Удивляемся, почему „Универкнига“ не прислала Малахову „Поваренную книгу“ Малаховец? Там ведь тоже имеется отдел о легких, в частности об изготовлении пирожков с легкими.

Но, по крайней мере, книга хоть популярная.

НА ИСПУГ

Заведующему Пятигорской школой ФЭС номер 4 Юрину принадлежит честь открытия нового метода мобилизации средств среди родителей по самообложению.

Делается это так: родители получают по почте повестку:

„С получением сего вам надлежит внести по самообложению 200 рублей. Неисполнение повлечет немедленное исключение сына из школы“.

Испуганный папаша, потрясая повесткой, мчит в школу, падает в кресло и бледный от страха бормочет:

— Почему? За что? Откуда столько денег?

Тогда заведующий школой Юрин мило улыбается и говорит:

— Ну, ну, не волнуйтесь. Мы пошутили. С вас причитается всего 4 рубля 25 коп. У нас такая система. Берем родителей на испуг. Ежели вам не написать 200 рублей, так вы, пожалуй, и в школу не явитесь.

Оригинальный метод! Развивая его дальше, Юрин должен начать посылать родителям письма с изображением черепа и костей в таком роде:

„Если вы не явитесь завтра в школу и не положите 500 рублей под дерево, сбоку от главного под'езда, ваш дом будет подожжен с четырех сторон, вашу жену разрежут на полтора частей, а сына Петьку взорвут динамитом“. То-то „испугу“ будет!

РАЗОЧАРОВАНИЕ

— Я-то надеялась, что при социализме всех уравняют!.. А оказывается, что Дина Петровна так и остается моложе меня на семь лет!

ДАЮТ — БЕРИ!

(Сводка „Крокодила“)

ОТ РЕДАКЦИИ. В ЦЕЛЯХ ЭКОНОМИИ МЕСТА, ВЗАМЕН ДЛИННОГО ФЕЛЬЕТОНА О ТОМ, КАК ЛИХИЕ ТОВАРОРАЗБАЗАРИВАТЕЛИ В ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ РАССОВЫВАЮТ ЗАЛЕЖАЛЫЕ ТОВАРЫ, МЫ ДАЕМ НИЖЕ КРАТКУЮ СХЕМУ И ПРЕДОСТАВЛЯЕМ САМИМ ЧИТАТЕЛЯМ СДЕЛАТЬ СВОИ КОММЕНТАРИИ. КТО НЕ ЗАХОЧЕТ ДЕЛАТЬ, ПУСТЬ НЕ ДЕЛАЕТ. ЭТО НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО.

ГДЕ	ПРИ ПРОДАЖЕ	ПРИНУДИТЕЛЬНО НАВЯЗЫВАЮТ
ЗРК завода им. Карла Либкнехта, Днепрпетровской области.	1/4 литра растительн. масла	4 кг перца
В Вязьме, в кооперации инвалидов	2 коробок спичек	2 шила
То же в Вязьме, в ларьке № 6	пачки папирос	литр нарзана
Там же	вина	синьку
В Иркутске, в ЗРК на заводе „Марат“	водки	10 карманных фонариков
В Филиппинском сельпо (ЦЧО)	соли	пальто за 40 рублей
В ОРС Лесхоза в Бутурлинском районе	спичек	куклы, по 5 рублей за штуку.

ЗВЕРСТВА С КЛАССИКАМИ

Трудно приходится Александру Сергеевичу в некоторых руках.

В одной из школ Тутаевского района учительница в 4-й группе дала сочинение на тему: „Пушкин, его жизнь, работа“. Тема явно непосильная для ребят. В результате у одного ученика получилось так:

„У Пушкина жена была гулящая. Она все время гуляла с Дантесом. А Пушкину это не нравилось. И вот между ними произошла драка. В этой драке Дантес убил Пушкина. После смерти Пушкина его место занял Александр Второй“.

Но самое замечательное, что в сочинении учительница нашла лишь один недочет, который отметила в тетради школьника: „Была не драка, а дуэль!“

СБЕЖАВШИЙ ЗАВОД

Симферопольский институт „Вилар“ послал письмо Камфарному заводу в Ленинград с не совсем точным адресом: „Охта“. 27-е почт. отделение завода не нашло и вернуло письмо в Симферополь с приклеенной справкой, на которой сказано, что завод

„По домовой книге неизвестен“...

Если бы этого мудрого почтаря упрекнули в том, что, мол, следовало бы все-таки поискать в Ленинграде указанный завод, то он, наверное, дал бы добавочное сведение:

„Адресат выбыл неизвестно куда“...

СТИМУЛЯТОРЫ

Вельский райпотребсоюз (Северного края) в феврале текущего года прислал Терменгскому сельпо

„С Ч Е Т № 106

(для стимулирования заготовок всех видов) 1. Мыло хозяйственное — 1 килограмм

Зав. складом ОНУЧИН“.

Странно, что этот самый Онучин не потребовал еще обратной отсылки мыла после его тщательного осмотра стимулируемыми.

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТНОСТЬ

В газете „Лоухский большевик“ (АКССР) от 3/II — 1934 г. помещена заметка под радостным заголовком:

„В подарок 17-му съезду ВКП(б)“, где сообщается о том, что колхозники колхоза им. Ющьева устроили субботник, на котором присутствовало 13 человек, из них 14 домохозяйек-колхозниц.

Если бы эту лишнюю домохозяйку-колхозницу попросили бы составить упомянутую заметку, она наверняка бы сделала это значительно грамотнее, чем редакция „Лоухского большевика“.

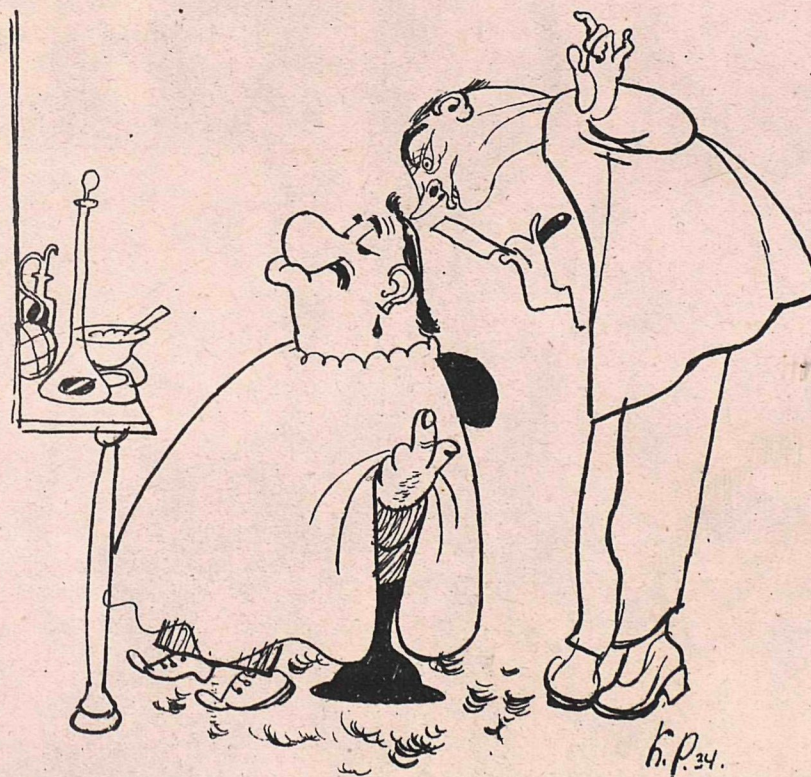
ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Правление коммуны „Красная поляна“ (Благовещенский с/совет, Челябинская область) пригласило ветфельдшера Коровинской МТС Шалашова полечить заболевшую свинью, выслав специально за ним подводу. Шалашов ограничился посланием „рецепта“ правлению:

„...Просит ветфельдшер Шалашов павшую свинью разрубить вдоль грудной клеткой анкуратно и отправить к ветврачу или сообщить ему немедленно о точном выяснении диагноза по приказанию его“.

ВЫХОД НА МЕСТЕ

Рис. К. Ротова

— Безобразия! Вы же мне кончик уха отхватили...

— Разрешите и с другой стороны подравнять?

(Еп.)

БРЫНЗА! БРЫНЗА!

Далеко, в Таргабатайских горах, у границы Западного Китая, раскинулся Тас-Булакский овцеводческий совхоз. В совхозе политотдел, 1000 рабочих, 60 тысяч овец, великопленный овечий сыр и ни одной книги или газеты.

Семь месяцев подряд политотдел совхоза посылает нарочных на верблюдах и ишаках в Алма-Ату, в отделение Союзпечати и бомбардирует отделение просьбами:

— Ради бывшего бога, книг и газет! Литературы!

За семь месяцев отделение Союзпечати прислало 18 тощих брошюр и пачку журналов „Огонек“ за 1927 год.

На запросы Союзпечать не отвечала или отписывалась: „Принимаем меры, ждите нашего уполномоченного“.

Тас-булакцы изнывали. Но вот по совхозу пронесся радостный слух:

— Приехал уполномоченный Союзпечати Третьяков из Урджара.

Торжество в совхозе не поддавалось описанию.

Когда восторги несколько улеглись, весь совхоз выстроился в очередь получать литературу.

И вот тогда уполномоченный вынул из бумажника... литературу.

В ней было написано:

„НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТОТДЕЛА СОВХОЗА ТАС-БУЛАК“

Нельзя ли в виде исключения отпустить лично мне немного сыра, чтобы тов. Третьяков переправил мне с.о. в Алма-Ату.

Уполномоченный Алма-Атинской базы Союзпечати Д. ПРОНИН“.

— И это все, что вы привезли? — спросил политотдел

— Пока все, — сконфуженно ответил уполномоченный.

Уполномоченного выгнали в шею вместе с запиской.

Но это было страшной ошибкой со стороны Тас-Булака.

Совхоз недооценил могущества Пронина, узавленного в самое чувствительное, сырное место.

Уполномоченный Союзпечати поклялся в страшной мести совхозу.

В течение четырех месяцев в Тас-Булак не пришла ни одна книжка или брошюрка. Даже „Огонек“ за 1927 год перестал поступать.

Из ста экземпляров областной газеты, выписываемой ежедневно совхозом, не получен ни один номер.

По вечерам, когда снежные горы Тарбагатай горят розовым блеском заката, по совхозу слышны вздохи, и видно, как люди, протягивая руки к небесам, в тоске по литературе горестно восклицают:

— О, брынза, брынза!

БЕН

БРАК И ШКУРА

На фабрике ЭП-ЭП с ударником Алешей

Случился казус нехороший:

Он Уличен Как бракодел.

Алешин бригадир в два счета похудел.

Забил тревогу цех. Взволнована вся смена:

„Алеша! Почему такая перемена? Ты изменил нам, друг. Подумай, кем ты стал!“

Алеша голосит, стараясь сбить атаку:

„Все тот же самый я. И шкуры же менял.“

А просто бракераж стал много строже к браку“.

Пролез в ударники знакомый мне „арап“.

Наверно бракераж на их заводе слаб.

М. АНДР.

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

9122

АРХИВ
7 - МАР 934

Рис. М. Черемных

На станции Омск до приезда бригады "Крокодила" паровозы были в крайне запущенном виде. По почину бригады жены машинистов в порядке воскресника вымыли грязные паровозы.

— Плохо холостякам в депо Омской дороги... Паровоза вымыть и то некому...

(К. Ротов)